

Во-вторых, это номинации бранной, в том числе обсценной лексики (грубейшие вульгарные выражения, табуизированные слова, связанные с телесным низом и физиологическими отправлениями): «п...доры» (в значении «люди с нетрадиционными сексуальными взглядами»), «у...бки» (в значении «умственно ущербные люди»).

Выводы

По утверждению В. фон Гумбольдта, изучение языка не является конечной целью лингвистических исследований, а «вместе со всеми прочими областями служит высшей и общей цели совместных устремлений человеческого духа, цели познания человечеством самого себя и своего отношения ко всему видимому и скрытому вокруг себя» [3, с. 383]. Поэтому лингвистические данные мы рассматриваем в неразрывной связи с поведением человека, его психикой, социумом, с которым происходит взаимодействие.

Юрислингвистика как относительно новое направление в лингвистике должна создать алгоритм систематизации речевого материала, позволяющий установить лингвопсихологический облик личности. А это и есть «лингвопсихологический портрет (типаж)». Кроме чисто языковых характеристик экстремиста важно учитывать его ценностные ориентации и психотип, особенности языкового сознания и коммуникативного поведения.

Таким образом, теория лингвопсихологических портретов (типажей) становится активно развивающимся направлением языкознания на стыке психолингвистики, юрислингвистики, лингвокультурологии и лингвоперсоналогии, что вызвано необходимостью их практического применения в судебной экспертизе.

Список использованных источников

1. Баранов, А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теоретические основы и практика : учеб. пособие / А. Н. Баранов. – М. : ФЛИНТА: Наука, 2013. – 592 с.
2. Галяшина, Е. И. Лингвистика vs экстремизма: в помощь судьям, следователям, экспертам / Е. И. Галяшина. – М. : Юридический Мир, 2006. – 96 с.
3. Гумбольдт, В. Язык и философия культуры / В. фон Гумбольдт. – М. : Прогресс, 1985. – 448 с.

УДК 81'271.1:82-2

СОВРЕМЕННАЯ ДРАМАТУРГИЯ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЕ ПОЛЕ СВОЕОБРАЗИЯ СОВРЕМЕННОЙ УСТНОЙ РЕЧИ

И. П. Зайцева,

профессор, доктор филологических наук, заведующий кафедрой мировых языков
Витебского государственного университета им. П. М. Машерова,
г. Витебск, Республика Беларусь

В статье обосновывается исследовательская значимость текстов современных драматургических произведений как материала для разноаспектного изучения современной устной речи. Это обусловлено авторской стилизацией речи действующих в пьесе лиц под речь разговорную, которая имеет место в большинстве произведений, принадлежащих к этому литературному роду.

Дискурсивный подход к исследованию словесной ткани современных пьес позволяет более глубоко и системно выявить и проанализировать характерные особенности современной устной речи практически на всех уровнях: лексико-семантическом, морфологическом, синтаксическом и т. п., – включая уровень структурно-композиционный.

Ключевые слова: устная речь, разговорная сфера общения, драматургический дискурс, диалоговая форма, речь персонажей, экстралингвистический контекст, стилизация.

MODERN DRAMATURGY AS A RESEARCH FIELD OF THE UNIQUENESS OF MODERN SPOKEN SPEECH

I. P. Zaitseva,

Professor, Doctor of Philology, Head of World Languages of
Vitebsk State University named after P. M. Masherov
Vitebsk, Republic of Belarus

The article substantiates the research significance of the texts of modern dramatic works as material for the multifaceted study of modern spoken speech. This is due to the author's stylization of the speech of the persons acting in the play into colloquial speech, which takes place in most works belonging to this literary genre. The discursive approach to the study of the verbal fabric of modern plays allows us to more deeply and systematically identify and analyze the characteristic features of modern spoken speech at almost all levels: lexical-semantic, morphological, syntactic, etc., including the structural-compositional level.

Keywords: spoken speech, colloquial sphere of communication, dramatic discourse, dialogue form, speech of characters, extralinguistic context, stylization.

Введение

Устная речь – речь, произносимая, порождаемая в процессе говорения, – как известно, является первичной формой существования языка. Однако несмотря на её первичность как в фило-, так и в онтогенезе, в течение длительного времени основным объектом внимания традиционной лингвистики был лишь литературный язык преимущественно в *письменной* форме (как правило, противопоставляемой форме *устной*). По этому поводу Шарль Балли однажды заметил: «Историческое языкознание, вынужденное самым предметом своим основываться на текстах, досадным образом приучило нас пренебрегать живыми формами, которые нам удаётся находить во всей их свежести и непосредственности в современных языках. Учитывая, что язык создан прежде всего для устного употребления, было бы ошибкой не принимать последнее за норму» [1, с. 34].

В форме устной речи на современном этапе существования русского языка могут реализовываться практически все его функционально-стилистические разновидности (официально-деловой, публицистический и т. д. стили), хотя реализация в рамках каждой из последних имеет характерные особенности, в том числе **существенно** отличающие её от специфики воплощения в других коммуникативно-речевых сферах. Констатируя, что «практически только в устной форме существует разговорная речь, Е. Н. Ширяев отмечает (понимая под функциональными стилями стили книжные: научный, официально-деловой и

публицистический), что «все устные реализации функциональных стилей часто называют устной публичной речью, которая как одно целое противопоставляется разговорной речи. Основанием для противопоставления является то, что разговорная речь относится к некодифицированной сфере языка и строится по своим собственным правилам, в то время как устная публичная речь является кодифицированной, то есть строится по тем же правилам, что и письменная речь» [9, с. 730].

Цель и задачи

В настоящее время разноаспектное исследование устной речи, в том числе и с безусловным учётом новейших достижений не только лингвистического, но и междисциплинарного знания, вне всякого сомнения, представляет одно из наиболее актуальных, перспективных и динамично развивающихся проблемных полей современного языкознания.

Представляется, что весьма «выгодным» исследовательским материалом для изучения разнообразных особенностей устной речи, прежде всего – реализуемой в сфере разговорного общения в его различных вариациях (*разговорно-литературной, разговорно-просторечной* и т. п.), являются современные драматургические произведения, причём в обеих присущих им ипостасях: литературной (текстовой) и сценической (постановка спектакля). Это обусловливается несколькими факторами. Во-первых – спецификой драматургии как литературного рода, поскольку на всём протяжении его формирования для автора, создающего драматургические произведения (во всяком случае – для драматургии русской), одним из ключевых принципов был принцип *жизнеподобия*. И поскольку ещё одним родолитературным параметром для драматургии является преобладание *диалоговой формы*, то принцип *жизнеподобия* находит выражение в первую очередь в том, что действующие в пьесе лица говорят «как в жизни». Во-вторых, на современном этапе развития языка, в том числе и языка словесно-художественных произведений (художественной речи), где он используется в эстетически осложнённом виде, очевидно активизировалась тенденция к демократизации языка, что отмечается во многих исследованиях [см., например, работы: 2; 3; 5]. Учитывая характерные для произведений, относящихся к драматургическому литературному роду, признаки, с нашей точки зрения, есть все основания утверждать, что означенная тенденция в художественной речи наиболее полно и многообразно проявляется именно в этих словесно-художественных дискурсах.

Результаты и их обсуждение

В качестве иллюстрации к высказанным положениям проанализируем ряд фрагментов из драматургического диптиха «Два плюс два» (2010) [4] популярного современного драматурга **Николая Коляды**, по пьесам которого уже несколько десятилетий успешно ставятся спектакли как столичными, так и другими театрами. Этот диптих, состоящий из двух небольших (в одном действии) пьес – «Клин-обоз» и «Икар», – жанрово квалифицирован автором как «*Две грустные комедии для двух актёров и двух актрис*».

В обеих пьесах драматургического диптиха закономерно преобладает *диалоговая форма*, занимающая более 90 % всего текстового пространства, но при этом драматургический диалог в каждом случае обрамляется типичными для индивидуально-авторского почерка Н. Коляды очень развёрнутыми начальными ремарками и менее объёмными, но всё же весьма значимыми в информативно-оценочном плане ремарками заключительными.

Так, в пьесе «Клин-обоз» именно содержащаяся в начальной ремарке информация свидетельствует о возможном конфликте между участниками разворачивающегося далее диалога, поскольку характеристика их автором (явно *ироничная*, что, безусловно, несколько нарушает принципы традиционной ремарки) отчётливо даёт понять, что находятся эти персонажи на разных ступенях социальной лестницы и это, вероятно, найдёт отражение и в их речевых проявлениях (примечательно, что при представлении действующих лиц автор указывает лишь возраст Ирины и Натальи). Фрагмент начальной ремарки пьесы, содержащий характеристику коммуникантов перед их вступлением в диалог, приводится далее:

«Наталья (она в халате, в вязаных носках) сидит за столом, слушает Ирину – молодящуюся городскую бабёнку лет 50-ти. Наталье столько же лет. Наталья букву “ё” в словах не произносит.

Ирина в валенках расшитых, в цветном платке, вся такая под русскую работает. Полушубок у неё расшит узорами. Она русская писательница, очень за русский народ переживает и это во всём видно» [4].

Учёт содержащейся в ремарке информации позволяет реализовать при анализе речевых проявлений обоих коммуникантов, которые и являются объектом нашего исследования, *дискурсивный* подход, ориентированный на рассмотрение любого текста в совокупности с его связями с экстралингвистической реальностью. Это предполагает рассмотрение высказываний (в данном случае – принадлежащих «говорящим» персонажам) прежде всего в условиях конкретной коммуникативно-речевой ситуации со всеми её составляющими, а также в широком контексте их функционирования, охватывающем, помимо собственно лингвистических, социальные, культурные, психологические, нередко – территориальные и иного рода факторы, так или иначе влияющие как на формирование, так и на функционирование высказываний.

Разворачивающийся далее диалог, начатый как разговор на исключительно бытовую тему (Ирина по-соседски пришла просить Наталью пригласывать в её отсутствие за только что приобретённым домом), закономерно стилизован автором под разговорную речь, которая, однако, – что обусловлено различием в типе языковых личностей персонажей – реализуется коммуникантами в разных её разновидностях: *разговорно-литературной* (Ирина) и *разговорно-просторечной* (Наталья).

«ИРИНА. О, Наташа, не надо смотреть телевизор! Ну, зачем вы?! Это зомбо-ящик! Он превращает русский народ в быдло! Выкиньте, вынесите немедленно на мороз, на улицу, на снег! Хотите, я помогу вам, прямо сейчас?

НАТАЛЬЯ. Чего? Телевизор на улицу? Я не поняла?

ИРИНА. Ладно, не всё сразу.

НАТАЛЬЯ. Нет, я не поняла, чего надо? Вы смеётесь надо мной?

ИРИНА. Не важно. Потом как-нибудь. А вы, Наташа, никогда не произносите букву “ё” в словах? Это тут у вас такой русский говор, да? Как интересно! Никогда не слышала, следует записать! (Садится, не раздеваясь, к столу, достаёт из сумки записную книжку, пишет). «Есть селения, где буква “ё” не произносится в словах». Простите, я писатель – так не люблю слово писательница! – мне надо всегда фиксировать всё в записной книжке. Но я не смогу вам платить.

НАТАЛЬЯ. А?

ИРИНА. За то, что вы будете следить за домом, я не смогу вам платить.

НАТАЛЬЯ. За что?

ИРИНА. Ну, за этот вот, выражаясь по-вашему, за пригляд. (Смеётся).
Хоть бы чаем угостили.

НАТАЛЬЯ. Дак вы меня в сторожа нанимаете, что ли?

ИРИНА. То-то и оно, что не нанимаю.

НАТАЛЬЯ. А чего тогда вам от меня надо?

ИРИНА. Ну, какая вы, Наташа, простая. Простецкая, я бы даже сказала.
Жарко у вас, натоплено. Фу! (Встала, стоит, записной книжкой обмахивается).
Хотя понятно – зомбо-ящик. Воспитание такое.

НАТАЛЬЯ. Дак чего надо-то?

ИРИНА. Ох, тяжело в деревне без нагана. (Смеётся). Вы очень, очень
гостеприимны. Я на грани срыва, едва жива с этой покупкой дома, с этим
убеганием от города, от всей жизни. А вы так вот, запросто, Наташа. Ну, что
сказать. Сказать нечего.

НАТАЛЬЯ. Женищина, дак вы чего хотите от меня?

ИРИНА. Ясно. Она поняла, что торг уместен.

НАТАЛЬЯ. Чего?

ИРИНА. Я не смогу вам платить!

НАТАЛЬЯ. За что?

ИРИНА. За пригляд! Пригляд! Пригляд!

НАТАЛЬЯ. Я не поняла. Вы чего пришли, женищина? Вам, может, картошки
нужно продать? Дак у меня есть в погребе. Слазить с ведром?

ИРИНА. Да не нужно мне картошки продать. Ничего уже от вас не нужно.
Ну что за люди, а? Им за всё платить надо. Ещё и “ё” не говорит, а туда же.
Как вы живёте, кошмар какой-то. Тоска. Удавиться можно. До свидания. До лета.

НАТАЛЬЯ. Ну, до свидания, раз так ...» [4].

Приведённый диалогический фрагмент формально построен по всем
правилам коммуникативно-речевого взаимодействия двух коммуникантов:
реплики-стимулы чередуются с репликами-реакциями; для связи части их
используются типичные для диалогических единств средства (вопросно-ответная
форма; лексические повторы и т. п.), однако в смысловом плане в данном случае
присутствует явная «разбалансированность». Наталья, будучи, судя по всему,
значительно менее образованной, чем Ирина, многие образные выражения
собеседницы воспринимает буквально, не включаясь в предлагаемую Ириной
игрово-метафорическую тональность общения: *О, Наташа, не надо смотреть
телевизор! ... Это зомбо-ящик! Он превращает русский народ в быдло! Выкиньте,
вынесите немедленно на мороз, на улицу, на снег! – Чего? Телевизор на улицу?
Я не поняла?; Я не смогу вам платить! ... – Я не поняла. Вы чего пришли,
женищина? Вам, может, картошки нужно продать?* и т. п. К чести Ирины
следует отметить, что она довольно быстро осознаёт, с какого уровня
собеседницей имеет дело и что её красноречие в беседе тратится почти впустую
(*Ну, какая вы, Наташа, простая. Простецкая, я бы даже сказала; Ясно. Она
поняла, что торг уместен* и т. п.). Это, впрочем, практически не сказывается на её
стиле общения, её реплики по-прежнему весьма развёрнуты, отличаются
образностью и оценочностью, однако становятся по большей части автокоммуни-
кативными, превращаясь в размышления Ирины по поводу происходящего,
вследствие чего их адресованность существенно снижается: *Ничего уже от вас
не нужно. Ну что за люди, а? Им за всё платить надо. Ещё и «ё» не говорит,
а туда же. Как вы живёте, кошмар какой-то. Тоска. Удавиться можно.*

Речь Ирины характеризуется множеством признаков, свойственных устной речи в её *литературно-разговорном* варианте. Во-первых, это очевидно творческий подход к использованию средств языка в речи, придающий ей явную экспрессивность и образность; эта особенность проявляется как в выборе употребляемых языковых средств, так и в их организации. Явно сниженная лексика: *быдло, пригляд, простецкая* и под. – используется Ириной нечасто и каждый раз вполне оправданно, о чём свидетельствует и её рефлексирование по поводу выбираемых слов и выражений – ср.: *выражаясь по-вашему, за пригляд; Ну, какая вы, Наташа, простая. Простецкая, я бы даже сказала* и т. п. Проявлением творческого отношения к пользованию языком, безусловно, является и включение в речь новообразований, которые практически всегда обладают повышенной экспрессивностью, – типа *зомбо-ящик* (о телевизоре). Приведённые примеры подтверждают выводы исследователей о том, что устная разговорная речь на лексическом уровне характеризуется «обилием эмоционально-оценочных элементов, словесной импровизацией» [8, с. 709].

Помимо этого, речь Ирины отличает ряд характерных для сферы разговорного общения грамматических качеств. Это прежде всего обилие синтаксических конструкций, наиболее активно используемых именно в устном разговорном общении – *односоставные, неполные, эллиптические* и т. п. предложения, смысл которых понятен лишь с учётом контекста и/или конкретной коммуникативной ситуации: *Ну, зачем вы?!; Ладно, не всё сразу; То-то и оно, что не нанимаю; Сказать нечего* и многие другие. В этих конструкциях, как можно убедиться, функционирует немало морфологических элементов, которые характерны, в основном, для устной разговорной речи. Это различные частицы: *ну (Ну, зачем вы?!; Ну что за люди ...; Ну вот, гляньте ... и т. п.); да (Да не нужно мне картошки продать и т. п.); как (Как интересно! и т. п.); а (А вы так вот, запросто ... и т. п.); междометия (Ох, тяжело в деревне без нагана и т. п.)* и нек. другие.

Анализ речевых проявлений Натальи – как в приведённом фрагменте, так и в драматургическом диалоге в целом – позволяет прийти к выводу, что её речь, безусловно, принадлежит к иной разновидности разговорной речи (в данном случае стилизованной, несомненно, под речь устную) – *разговорно-просторечной*. Реплики Натальи значительно менее развёрнуты, чем реплики её собеседницы, они представляют, в основном, нераспространённые предложения, практически не включают образных и образно-оценочных элементов и т. д., что свидетельствует и о весьма небогатом лексиконе, и об очень слабо развитых языковой, речевой и коммуникативной компетенциях. В то же время вербальные средства, которые функционируют в высказываниях Натальи, достаточно явно демонстрируют отнесённость её речи именно к разговорно-просторечному регистру устной речи.

На одну из характерных особенностей, свойственных означенному регистру – особенность фонетико-орфоэпического характера, автор-драматург указывает в уже частично приводимой начальной ремарке: *Наталья букву «ё» в словах не произносит*. Помимо этого, речь этого персонажа содержит множество сниженных – разговорных, просторечных, диалектных и т. п. – лексических элементов, среди которых местоимение *чего* в значении ‘что’; *Чего?; ... я не поняла, чего надо?; А чего тогда вам от меня надо?* и под. (ср.: «ЧЕГО ... 3. вопрос, и союзн. сл., нескл. То же, что что (в 1 знач.) (прост.). Чего случилось-

то? Чего ты сказал?» [7, с. 1085]); слово *дак*, которое при употреблении в речи Натальи совмещает в себе и значение просторечной частицы, и наречия *так* в его просторечном произношении: *Дак вы меня в сторожа нанимаете, что ли? Дак чего надо-то?* (ср. комментарий в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова: «**ДАК** ... (простореч.). Частица в знач. вот, ведь (в письменной речи не употр. и заменяется равнозначным словом *т а к*). *Дак я же говорил!*» [6, стб. 648]; просторечная форма употребляемого в повелительном наклонении глагола *хотеть*: *Женищина, дак вы чего **хочете** от меня?* – и т. п.

Синтаксически речь Натальи оформлена исключительно разговорно-просторечными конструкциями, среди которых преобладают неполные предложения, смысл которых можно уяснить лишь при обращении к контексту. В последней реплике, которая принадлежит Наталье в приводимом фрагменте присутствуют не только все перечисленные, но и ряд других особенностей, характерных для разговорно-просторечной сферы общения; «**НАТАЛЬЯ**. *Я не поняла. Вы чего пришли, женищина? Вам, может, картошки нужно продать? Дак у меня есть в погребе. Слазить с ведром?*»

Проанализированный фрагмент драматургического диалога пьесы популярного российского автора Николая Коляды, как представляется, подтверждает мнение о том, что «устная речь во многом зависит от психофизиологических, интеллектуальных, возрастных, гендерных, социальных, общекультурных черт “человека говорящего”» [8, с. 709].

Выводы

При этом проведённые наблюдения, как представляется, достаточно убедительно демонстрируют исследовательскую значимость произведений современной драматургии как материала для более глубокого и детального изучения явлений и процессов современной устной речи, в первую очередь – реализуемой в сфере разговорного общения, причём как в разговорно-литературной, так и в разговорно-просторечной ипостаси.

Список использованных источников

1. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – М. : Изд-во иностранной лит., 1955. – 416 с.
2. Баско, Н. В. Развитие русского языка в условиях глобализации / Н. В. Баско // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире. – М., 2014. – С. 252–256.
3. Бельчиков, Ю. А. О роли СМИ в процессе демократизации русского литературного языка / Ю. А. Бельчиков // Вестн. электронных и печатных СМИ. – 2010. – № 13. – С. 3–7.
4. Коляда, Н. Два плюс два: Две грустные комедии для двух актёров и двух актрис [Электронный ресурс] / Н. Коляда // Современная драматургия. – Режим доступа: <https://theatre-library.ru/authors/k/kolyada>. – Дата доступа: 21.04.2023.
5. Лабащук, М. Критерии демократизации языка / М. Лабащук // Acta Neophilologica. – 2006. – VIII. – Р. 139–146.
6. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. – М. : Советская Энцикл., 1935. – Т. 1 : А–Кюрины. – 1566 стб.
7. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова ; отв. ред. Н. Ю. Шведова. – М. : Изд. центр «Азбуковник», 2007. – 1175 с.

8. Фельде, О. В. Устная речь [Электронный ресурс] / О. В. Фельде // (Эффективное речевое общение (базовые компетенции) : словарь-справочник / под ред. А. П. Сковородникова ; редкол.: Г. А. Копнина [и др.]. – 2-е изд., перераб. и доп. – Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2014. – С. 709–710.

9. Ширяев, Е. Н. Устная речь / Е. Н. Ширяев // Культура русской речи : энцикл. словарь-справ. / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева. – М. : Флинта ; Наука, 2003. – С. 729–730.

УДК 811.161.1'42'371'373.6:398.92:004.77:366.46

НЕОФРАЗЕМА ЦИФРОВАЯ АМНЕЗИЯ: ПРОИСХОЖДЕНИЕ, СЕМАНТИКА, ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ

В. И. Коваль,

профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры русского,
общего и славянского языкознания Гомельского государственного университета
им. Франциска Скорины,
г. Гомель, Республика Беларусь
E-mail: vlad-kov@mail.ru

В статье анализируется явление детерминологизации в сфере современной медицинской терминологии (шизофрения, маразм, склероз, депрессия и др.). Основное внимание уделено возникновению, семантике и функционированию фразеологизма цифровая амнезия, отражающего явление интернет-зависимости и указывающего на отсутствие способности людей запоминать большие объемы информации. Приводятся различные мнения, связанные с выражением отношения к способам поиска, фиксации и обработки необходимой информации.

Ключевые слова: детерминологизация, цифровая амнезия, Гугл-эффект, компьютерная зависимость, интернет-медиа.

NEOPHRASEMA DIGITAL AMNESIA: ORIGIN, SEMANTICS, FUNCTIONING

V. I. Koval,

Professor, Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian,
General and Slavic Linguistics of the Gomel State University named after Francis Skorina,
Gomel, Republic of Belarus
E-mail: vlad-kov@mail.ru

The article analyzes the phenomenon of determinologization in the field of modern medical terminology (schizophrenia, insanity, sclerosis, depression, etc.). The main attention is paid to the emergence, semantics and functioning of the phraseology digital amnesia, reflecting the phenomenon of Internet addiction and indicating the lack of people's ability to memorize large amounts of information. Various opinions related to the expression of attitudes to the methods of searching, fixing and processing the necessary information are given.

Keywords: determinologization, digital amnesia, Google effect, computer addiction, internet media.